

Журнал и сценарий -
2003 - июнь (№4) - 67.

Защита Риндеркнехта

Алла ШЕНДЕРОВА

Петер Риндеркнехт, кукольник из Швейцарии, сыграл свою "Балладу о Портофино" на Малой сцене театра "Эрмитаж". По аналогии с набоковским Лужиным, персонаж Риндеркнехта постоянно играет с самим собой в шахматы, правда, вместо фигур на маленькой доске расставлены пробка, детская соска, крошечный велосипедный звонок и другие странные мелочи. "Вы меня простите, я должен доиграть. Последний раз счет был 4:2. Вот здесь, слева, я сам себе проиграл и расстроился, а справа - выиграл", - говорит он, явно оттягивая начало спектакля. "Вот я сейчас падену фрак, настоящий бархат - потрогайте, пожалуйста... Бабочка я купил недавно, всего за 38 франков..."

В общем, вы уже поняли, что этот огромный человек с лохматой шевелюрой - близкий родственник персонажей Евгения Гришковца, хофмановского человека дождя и еще целой вереницы чудачковатых одиночек, бегущих от одиночества каждый на свой манер. Герой Риндеркнехта, например, утверждает, что он контрабасист и сейчас сыграет нам "Ночную бабочку".

"Ночная бабочка", - торжественно объявляет он по-русски. Но только успевает взять пару щипковых аккордов, как в обширном теле контрабаса открывается крошечное окошко, из которого высовывается кукушка и кукует ровно три раза. "Сколько времени? - спрашивает актер у зрителей. - Десять минут четвертого? Она никогда еще так не опаздывала!"

Вы не знали, что в часах с кукушкой на самом деле живет пожилой усталый человек, который каждый час натягивает на себя птичью маску и сообщает время? Открыв потайную дверцу на задней стороне контрабаса, Риндеркнехт демонстрирует нам жилище этого работника. Есть здесь и стол, и диван, и старый клавишник, и даже сын-бездельник, который кладет ноги на стол, слушает нисер и не уважает отца.

Этих узников контрабаса кукольник издает мечтой об итальянском курорте Портофино, где в общественном туалете можно прочесть падшие на всех языках мира, а в кафе - часами потягивать кофе, любуясь морем и грозными очертаниями гор.

Как и большинство европейских сказок, спектакль Риндеркнехта приправлен изрядной долей сюрреализма: тут и Свинг с его лиллипутами и великанами, и Льюис Карролл с его вечным безумным чаепитием, и много чего еще. Но главное - древний комедиант-

ский закон, по которому в дело годится любая щепка, все превращается во все, сломанное сиденье - в столик кафе, контрабас - в модель вселенной, а сам кукольник - то в музыканта-неудачника, то в официанта-итальянца (внутри контрабаса оказывается настоящая кофеварка!), а то - в неумолимого вершителя судеб, отчетливо напоминающего зло-

вещего ибсеновского Пуговичника.

В сущности, этот спектакль правильнее было бы назвать не "Баллада о Портофино", а "Мания Портофино" - ведь мегга осталась неосуществленной. Хотя нет. Под конец истории сын выпрыгнул-таки из контрабаса в большой мир, а отец с горя забыл прокуковать очередной час. "Не расстраивайтесь, -

утешает его кукольник, - дети всегда строят свою жизнь отдельно. Он прилетит вам открытку". Такое вот решение проблемы поколений.

Справедливо будет сказать, что основное удовольствие от этого прелестного и мудрого спектакля получили не дети, а взрослые. Дети внимали ему с легким недоумением, тем более, что Риндеркнехт играл на английском, а по-русски, помимо "ночной бабочки", произносил только не слишком приличную "туалетную" надпись.

Детям больше по душе пришелся испанский спектакль "Буфаллетес", показанный на Большой сцене театра "Эрмитаж".

Полтора часа Луис Бевиа и Пеп Боу, создатель единственного в мире "Театра мыльных пузырей", надували мыльные пузыри. Выяснилось, что пузырями можно жонглировать, играть в пинг-понг, помещать их друг в друга, наполнять табачным дымом (от этого они становятся особенно прочными), украшать ими, как короной, головы девушек; что пузыри могут быть любой формы, цвета и размера. "Смотри, это наш земной шар!" - закричала одна пятилетняя девочка, когда Пеп, как стеклодув, выдул невиданно-огромный пузырь, переливающийся в темном зале всеми цветами радуги.

Как и все искусство театра, пузыри красивы и недолговечны. Зачем они? Ни зачем. Толку от них - никакого, но маяят не меньше, чем солнечное побережье Портофино. Вот они, рядом, протяни руку и... схвативши пустоту.

Чему же учат детей эти два странных спектакля? - спросит меня удивленный читатель. А ничему не учат. Только терпимости и полному отсутствию агрессии. Кто-то держит в контрабасе куклы и играет сам с собой в шахматы, а кто-то всю жизнь дует мыльные пузыри. Не сравнивай, кто из них лучше. И не осуждай за страшность. Приглядись, отнесись к их занятиям с уважением и выбери свой путь.

P.S. Об одном жалею. В шесть лет меня определили в музыкальную школу по классу виолончели, но мне, глухой, хотелось играть на пианино. А ведь будь у меня виолончель, наверняка, в ней тоже кто-нибудь поселился бы!

- Петер Риндеркнехт в спектакле "Баллада о Портофино"
- Пеп Боу в спектакле "Буфаллетес"